

ОЛЬГА БУРАЯ

НЕЗАТЕЙЛИВАЯ ИСТОРИЯ

О ТОМ, КАК ДАЛЕКО МОЖНО
УЙТИ ИЗ ДОМА

Ольга Бурая

**Незатейливая история. О том,
как далеко можно уйти из дома**

«Издательские решения»

Бурая О.

Незатейливая история. О том, как далеко можно уйти из дома / О. Бурая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830744-7

«Опасное это дело, Фродо, выходить за порог: стоит ступить на дорогу и, если дашь волю ногам, неизвестно куда тебя занесёт» — говорил Гэндальф, герой книг Джона Рональда Руэла Толкина. Но герои «Незатейливой истории» не читали книг Толкина и не были знакомы с Гэндальфом, а потому были крайне неосторожны и самонадеянны. И ушли слишком далеко. Но Стаглавые Горы не прощают неосмотрительности.

ISBN 978-5-44-830744-7

© Бурая О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. С самого начала	7
Глава 2. Новое имя	13
Глава 3. Приманка	19
Глава 4. Правда о лжи	25
Глава 5. Попутчики	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Незатейливая история О том, как далеко можно уйти из дома Ольга Бурая

© Ольга Бурая, 2016

© Ольга Викторовна Девятова, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-0744-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Привычный маршрут «дом-работа» скользил под ногами: через двор, в проход между домами, мимо ещё не открывшихся ларьков, бегом через дорогу, на остановку.

Утро было заиндевелым. Заспанные деревья в кружевных чепчиках инея зябко жались к краям тротуара. Холодное дыхание ночи всё ещё лежало вокруг белёсой дымкой. Сиреневый намёк на солнце украдкой выглядывал из-за домов. Всё было готово ко дню.

Оксана остановилась на обочине в сомнениях: впереди лежали две полосы отполированного льдом асфальта, разделённые грязным ледяным гребнем. Поток машин был утреннему медлительным и неуверенным. Мелкими шажками, царапая полировку набойками, Оксана добралась до середины дороги. Она посмотрела направо, как завещали давным-давно, в первом классе, и, оценив расстояние до ближайшей машины, приступила к завершающему манёвру.

День сегодня обещал быть хорошим. Во-первых, она проснулась раньше будильника, во-вторых, успела и перекусить, и даже помыть посуду, и более того – немного прибраться на кухне. И даже после того, как она оделась и нарядилась, всё равно ещё оставалось время спокойно, не торопясь, добраться на работу. Муж ещё спал, когда она подошла поцеловать его перед уходом, и его тёплый вкусный запах стал уговаривать остаться. На пороге комнаты она ещё раз обернулась: в сумерках утра спальня казалась миражом. На работу совсем расхотелось. Но на сердце всё равно было легко. Да, день сегодня будет отличным.

И сейчас, когда до остановки оставалось меньше пары метров, а на горизонте уже появилась маршрутка, день всё ещё обещал быть хорошим. И даже когда Оксана начала понимать, что никак не успевает убраться из-под колёс машины, которая ехала прямо на неё и не собиралась тормозить, в придуманное обещание всё ещё верилось.

Как-то неожиданно быстро небо оказалось прямо перед лицом, а асфальт прямо за спиной. Глаза закрылись. Стало не хватать воздуха. Оксана вдохнула. Воздух оказался тёплым и жидким...

Глава 1. С самого начала

– С чего же мне начать рассказ, волхв?

– Ну, попробуй начать сначала. Многие басни начинаются именно с этого, – рассмеялся Наволод¹.

Хм... Если бы я знала, где оно – это самое начало. Я посмотрела на вышитый временем узор моей жизни. Где же оно? Нет, не там, где тычет в меня пальцем старый Белозер. И не там, где лежу я, завёрнутая в мамину рубаху, в колыбельке. Нет в узоре стежков, с которых всё началось.

– Ну, если сначала, то история будет длинной, – предупреждающе прищурилась я.

– А куда нам торопиться?

– Тогда вот тебе рассказ с самого, что ни на есть, начала.

Началось всё тогда, когда меня ещё и в помине не было, и бабка Избава² носила моего отца.

Пронеслась над окрестными деревнями Птица-Юстрица³. Огонь жертвенника не гас ни днём, ни ночью, а люди продолжали исходить кровавым поносом и сохли на глазах. Но самый большой урожай Морана⁴ собрала тогда среди детей. В домах стало пусто и тихо. И страшно. Ходили по деревне не люди, а тени. И не понятно было – толи от болезни, толи от горя были эти запавшие глаза и сморщенная кожа.

Бабушка всё это время из дома вообще не выходила. Одежду не меняла и воды не пила, только жидкой кашей питалась. Дед Здибор⁵ долго боролся с болезнью и победил. Рассказывали, что от богатыря, каким он был, тогда ничего не осталось.

Прошло три месяца, и Избава родила мальчика. Имя ему дали Здирад⁶.

Не смотря на то, что рос Здирад, оправдывая своё имя, бабка не находила себе места, твёрдо веря, что Морана приходила в чёрные дни болезни именно по его навь⁷. Чтобы хоть как-то успокоиться, решила Избава сходить к волхву Белозеру⁸ – пусть он расскажет, что ждёт её сыночка в будущем. Волхв начал с хорошего, сказав, что проживёт Здирад долгую жизнь, что обойдут его стороной и болезни, и дикие звери, и нечисть, но тут же снова внёс в душу смятение. Сказал, мол, будет у сынка твоего несчастье, и принесёт это несчастье белобровая женщина.

Избава сначала пригорюнилась, но потом решила поспорить с Судьбой. Ведь не зря же назвали её Избавой.

И стала она караулить несчастье её сына, словно охотник – скрытно и хладнокровно. Ни одна женщина или девушка не ускользала от взгляда Избавы. Да они, собственно, и не старались. Им было невдомёк, что смотря им в лицо, ищет она беду.

Искать пришлось почти десять лет. И найти на лице шестилетней девчушки Люнеги⁹.

¹ Наволод – владеющий «навьем», т.е. астральным, телом, умеющий им управлять.

² Избава – спасение.

³ Птицей-Юстрицей народные предания называют холеру

⁴ Морана – злая богиня, присутствующая в пантеонах многих народов. Олицетворение мороза, мрака и смерти.

⁵ Здибор – создающий, строитель.

⁶ Здирад – создающий радость.

⁷ Навь – тоже, что и душа

⁸ Белозер – ясновидящий.

⁹ Люнега – лунная.

Люнега была дочерью Яглики¹⁰ и Прелимира¹¹. Она и сама по себе-то не была крепышкой, а уж в перешитой из мамкиной рубаше казалась совсем крохой. И была она белой. Белой-белой – словно не сама Яглика выносила и родила её, а Луна оставила свою дочь на воспитание. Вроде и было Люнеги в кого такой уродиться, а всё равно была она белее и отца и матери. Волосы, ресницы и, главное для Избавы, брови были у Люнеги цвета выбеленного льняного полотна.

Через много лет я, по несчастью, стану племянницей Люнеги, а по счастью – внучкой Яглики.

А пока Избава не могла придумать – как же побороть ей её врага, который смотрел исподлобья незакалённой сталью своих огромных глаз, и думать себе не думал, что лишил Избаву сна.

Перебрав всё, что только можно было придумать, решила моя премудрая бабушка держать врага своего – как и положено – поближе к себе. Пусть Люнега будет ей дочерью – не посмеет она тогда своему брату вред причинить.

Сказано – сделано. Самая маленькая из сестёр Здирада, Янислава¹², чуть помладше белобровой девчонки. Скоро родители будут отправлять Люнегу со старшими в лес – за ягодами. Тут-то Янислава и поможет. Отправит её Избава вместе с ними, а Люнегу попросит как бы приглядеть за младшей подружкой. А дальше – Боги помогут, и получится всё так, как надеется Избава.

Можно сказать, что Боги помогли тогда. Подарили они Люнеге и Яниславе дружбу. Но не детскую, до первой ссоры, а настоящую – крепкую и мудрую. Они и, правда, стали как сёстры.

Но только ничего хорошего из этой помощи не вышло. А может и не помощь это была вовсе, а наказание Избаве, за то, что хотела она изменить то, что самим Богам изменить не под силу. Кто знает...

Радовалась бабка моя – каждый раз, когда прибежала Люнега в гости, когда усаживала её Избава за стол со своей семьёй, глядела тепло на мою, ещё только будущую, тётку, когда та за обе щеки уплетала угощения. Радовалась, думая, что перехитрила она Беду.

Ведь не люди, а Боги сказали – если ел с человеком один хлеб, значит, породнились. А уж против заветов Богов никто из смертных не может идти.

Но как часто бывает, пойдя окружным путём, мы именно там и встречаем того, с кем хотели разминуться.

Пролетело время, и Люнега сняла рубашу¹³. И оказалось, что вовсе это и не маленькая щуплая девчушка, а девушка с точёным станом, большими серыми глазами и пушистой белой косой – время так и не смогло сделать её темнее.

Янислава по-хорошему, но всё же завидовала подруге – ей самой ещё рано было бегать на посиделки. Поэтому все новости приходили к Яниславе сами. Люнега исправно приходила в гости, щеголяя новенькой, чёрной в бело-голубую клетку, поневой¹⁴.

Избава, как и прежде, усаживала подругу дочери за стол, но теперь с каждым разом делала всё менее охотно. Не нравилось ей, как Люнега смотрела на Здирада. Слишком уж прямым и ясным был этот взгляд. «Вся в мать» – хмурилась бабка и думала о том, что опять придётся идти к волхву.

¹⁰ Яглика – яростная.

¹¹ Прелимир – переполненный миром.

¹² Янислава – славная мужеством.

¹³ Выражение «сняла рубашу» означало «взросление» девочки, смена детской одежды на взрослую. С этого момента девушку можно было сватать.

¹⁴ Понева – вид женской одежды, нечто похожее на юбку. Поневу носили поверх длинной рубахи.

Люнега, и правда, взяла нрав у матери, но не весь, а только часть.

Про мать Люнеги, мою бабу Яглику, я потом расскажу. Вот кто-кто, а она, действительно, была подарком Богов, и в первую очередь – мне.

А пока наступил тот вечер, когда дорога моей ещё не начавшейся нигде жизни сделала очередной крутой поворот.

Янислава очень любила вечера, когда все дела были переделаны, и она с матерью и сёстрами садилась за любимое рукоделие: Удеса¹⁵ плела кружева, Адела¹⁶ и Янислава вышивали. Так было раньше. А теперь, когда обеих старших сестёр выдали замуж, они сидели вдвоём с мамой. Теперь они могли вдоволь пошептаться, и хотя Янислава скучала по сёстрам, вечера ей стали нравиться больше. Шепталась, правда, в основном, она, а мама слушала, но и этого Яниславе этого было достаточно: чувство тайны поселялось в эти моменты где-то в животе и протягивало к сердцу свою пушистую лапку. От этого голос становился тихим и мягким, и тёплая, тянущая истома накрывала с головой. Янислава могла бы до утра проговорить, пересказывая принесённые Люнегой новости, свои мысли и домыслы, и спрашивая маму обо всём что, только приходило в голову.

В тот вечер Янислава была не особо разговорчивой. Потому что она узнала большую тайну. Тайну своей подружки. Этой тайной очень хотелось поделиться, но она не знала – хорошо ли это будет. Правда, Люнега ничего не говорила ей о том, чтобы не говорить маме, но... Вот здесь мысли Яниславы спотыкались, она принималась думать вновь и продолжала молчать.

Избава задумчиво смотрела на дочь и гадала – что же заставило молчать её сорочонка? Ведь не переслушаешь! А тут молчит, только лоб морщит.

– Что случилось, ластонька? Почему молчаливая такая сегодня? – не выдержала тишины Избава.

Слова матери застали Яниславу врасплох, и она выплеснула переполнившую её тайну:

– Люнега любит Здирата и хочет, чтобы он к ней посватался, а он даже на неё не смотрит. Мамочка, скажи ему, пусть он возьмёт в жёны!!! Мы тогда с ней совсем сёстрами станем!!!

– Тише, не кричи, отец с братом спят уже, – ответила Избава, чтобы хоть что-то ответить.

«Вот оно!!! Вот где беда подкараулила!» – мысли разметались в голове, – «что же я такое наделала, своими руками дверь открыла и горе впустила, и за стол посадила. Ведь не просто так он на неё не смотрит. Родная она ему, один хлеб ели. Любит он её, вот и смотреть боится. Боги, что же я натворила!!!»

– Нельзя Люнеге быть женой твоего брата – выдохнула Избава, собравшись с силами, – вы ведь все родные. Люнега итак сестра твоя, разве ты знаешь? Не по крови, а по хлебу.

– Как же так...? – Янислава смотрела на мать исподлобья, так словно тот самый хлеб, который, оказывается, роднил их с Люнегой, оказался горьким как полынь.

– Сами Боги так говорят, – к Избаве вернулось самообладание.

В этот момент Янислава готова была обидеться и на Богов, и на мать, и на Здирата. Ну, как же так...? Ведь она уже начала мечтать....

Ничего не сказав, Янислава отложила работу и ушла спать. И, вдоволь выплакав под одеялом свою обиду, крепко уснула.

А Избава всю ночь не сомкнула глаз, а утром, чуть только высинило за окном, пошла к волхву.

¹⁵ Удеса – первая помощница, ближайшая.

¹⁶ Адела – работающая.

Белозер, выслушав мою бабу, покачал головой, посетовал на то, что все нынче хотят перечить Богам, и сказал, что Доля Здирада крепко к нему привязана, и что, сколько бы Избава не пыталась изменить её, ничего не поможет. Так Боги решили. Раз дали такую Долю, значит, так тому и быть.

Не видя тропки, шла моя бабка домой. Не помогло ей имя её. Ведь и к ней её Доля крепко-накрепко привязана.

Время шло, минутами как каплями туша улыбку в глазах Избавы. Теперь уже не она охотилась на несчастье, а оно на неё. И каждый день ждала моя бабка стрелы боли в сердце. И каждый день коварное несчастье посмеивалось где-то за углом и караулило её сыночка. И мучило Избаву неизвестностью. Она и сама не знала, что такого может натворить эта белобровая, но думалось ей – что бы это ни было, будет оно большим горем.

А мир вокруг менялся. И кипел. Во всяком случае, Люнеге, он казался кипящим, сотканным из жужжания веретена, стежков вышивки, переглядок, пересмешек, холодной росы под босыми ногами и её, Люнеги, любви. Любовь её еле-еле умещалась в маленьком сердце. Но было бы ещё ничего, если бы она просто там притаилась до поры до времени. Но нет. На каждое слово и каждый взгляд Здирада любовь начинала рваться из сердца, и оно едва не лопалось. Но всё это было напрасно. Слова все были ничего не значащими, а взгляды – пустыми.

Сколько раз искала она встречи со Здирадом, сколько раз хотела рассказать ему о том, что творится у неё на сердце. Рассказать и не мучиться этой серой и тягучей неизвестностью. Но вот тут-то и ложилась ей поперёк дороги гордость. Спотыкалась Люнега и молчала. А когда принесла ей Янислава новость о том, что не судьба ей быть женой Здирада, тут ей и вовсе невольно стало. Боги, Боги, что же вы такие неправильные заветы-то дали, что житья от них никакого нет...?

Неизвестность эта, что мучила и Избаву, и врага её, была как плод – в конце концов, перезрела и упала.

Упала ранним утром, когда Здибор с Избавой и детьми сидели за столом и решали важное дело – когда Здирад жениться собирается. Мать с сестрой смотрели на него затаив дыхание, а отец хмурился – долго ещё первенец будет до полночи по посиделкам мотаться?

– Да скоро, скоро, – хмурился в ответ Здирад.

– Да ты скажи хоть к кому свататься будешь? – голос Здибора становился громче с каждым словом.

– Рано ещё к ней сватов засылать, – улыбнулся Здирад, – Кветава¹⁷ я жду.

– А чем тебе Люнега плоха?! – вступилась за подругу Янислава

– Нельзя ему Люнегу в жёны брать, она ведь сестра вам, – уже спокойно сказал отец, – а Кветава долго ждать не придётся. Люнега дома не задержится. Характер у неё в мать.

Кветава была младшей сестрой Люнеги. Не такая красавица, как сестра, но имя её ей очень подходило. Глаза синие, словно пригожница¹⁸, щёчки румяные как ранний яблоневый цвет. Волосы были не такие светлые, как у старшей сестры, и стан был не точёный, да и росточком не вышла. Но только глядя на неё, у Здирада становилось тепло на душе, только ей в глаза не мог он спокойно смотреть, и только у неё был такой густой, такой полный и глубокий голос. И ради этого голоса Здирад согласен был ждать сколь угодно долго. Ждать пока снимет Кветава рубаху, ждать пока выйдет замуж Люнега, ждать... да чего угодно ждать.

Сейчас препятствий поубавилось – Кветава уже месяц ходила в поневе. Осталось дожждаться, пока старшая сестра уйдёт из родительского дома. Вот только никак не мог подумать Здирад, что уйти Люнега хотела бы в его дом, мечтала она стать его, Здирада, женой.

¹⁷ Кветава – цветочная.

¹⁸ Пригожица – один из вариантов названия цветка незабудка.

Не видел он её полузаплаканных – полузлых глаз, не слышал стука её сердца, да и не к чему ему всё это было.

И уж совсем не ожидал он, что на празднике Купальницы подбежит Люнега именно к нему, именно его стукнет по плечу и именно ему, краснея, задиристо скажет: «Догоняй!!!». И побежит. Она побежит, а он останется сидеть. Тогда она остановится, повернётся, долго, не моргая, будет жечь холодным железом глаз, пока оно не нагреется от слёз. И тогда снова побежит. Уже в противоположную сторону. Под робкое хихиканье подружек, всегда завидовавших её красоте.

А через неделю разнесётся по деревне радостная весть – быть свадьбе скоро. Красавица Люнега выходит замуж за Литобора¹⁹. Литобор в свои двадцать четыре года уже был воином и ходил с отрядом таких же неугомонных парней, собранным по всей округе, служить местному голове. Голова любил пугать соседей из других долин, прохаживаясь со своими молодцами вдоль границ. Войны давно никто не затевал. Боги хранили мир. И люди от них старались не отставать и держали мир и добрыми словами, и крепкими рукопожатиями, в которых сразу видна была сила протянувших руки, и высокими стенами крепостей, стоявших на страже переходов в долины, и блестящими мечами, которыми на ярмарках ненавязчиво хвалились некоторые ухари.

Литобор не был одним из тех, кто любил разгул походов, настойку на меду и рассказы о больших городах, где полным-полно оборотней в облинии прекрасной женщины, которые только и делают, что ищут молодых воинов, чтобы их обольстить. Вдумчивый и пытливый, Литобор хотел научиться настоящему ратному делу. Хотел знать, как вдесятером одолеть сто человек, как взять крепость, в которой три кольца дубовых или даже каменных стен, как голыми руками победить врага в заговорённых доспехах. И ещё много чего хотел бы он узнать, но, сколько не ходил служить к голове, а всё без толку. Позвенева кольчугами в невысоком колючем кустарнике, который облюбовал склоны гор, отряд расходился по своим деревням до следующего вестника.

Вернувшись в очередной раз домой, надумал Литобор, что хорошо было бы, если бы ждала его дома жена. Но не просто жена, а красивая, да умная, да умелая. И когда на Купальнице увидел он, как сын Здибора собственными руками оттолкнул своё счастье, то медлить не стал. На следующий же день отправился он свататься к Люнеге.

Говорят, когда она спросила, мол, на что она ему, Литобору, тот ответил, что на счастье. Тогда она сказала, что он ей будет на утешенье. Литобор согласился. На том и стоворились.

После сбора первых яблок сыграли свадьбу.

Люнега заплела две косы, украсила понева новыми стежками и стала какой-то грустно-спокойной. Улыбка как-то лениво набегала на её губы, да и то ненадолго. Серые глаза, казалось, стали ещё больше, стан ещё тоньше.

А тем временем к её младшей сестре заслал сватов тот, которого она всё ещё любила, но перед которым так отчаянно старалась быть счастливой, чтобы понял он, что на нём свет клином не сошёлся.

Люнега каждую свободную минутку бегала домой к родителям, вышивала вместе с Кветавой свадебное платье, давала советы. И очень хотела радоваться за сестру как за себя. И помогала потому, что всё это было для него, для Здирада.

Свадьбу моих родителей сыграли в начале зимы. А моя жизнь началась ровно через год. Началась не вовремя, раньше, чем надо было.

Как рассказывала мама, волки в ту зиму стали такими лютыми, что, не боясь сторожей и собак, таскали скот прямо из деревни. И тогда староста деревни решил проучить окрестные стаи.

¹⁹ Литобор – вылитый из отборных

Собрали охотников, наготовили стрел, сходили к волхву – узнать самый хороший день да заранее попросить прощения у Богов. А потом ушли горы. Вместе с ними ушёл и мой отец.

Маме надо было носить меня ещё целых две луны. Но моя тётка всё решила иначе.

Мама говорила, что с тех пор, как стало заметно, что она на сносях, Люнега сильно изменилась. В гости не ходила, к себе не звала. Если вдруг обе в родительском доме оказывались, то и двух слов сестре не говорила.

Поэтому, когда тётка Люнега ни с того, ни с сего пришла в дом моих родителей, мама не знала, что и думать. И, как и положено, решила думать о плохом. Люнега сказала, что вернулся отряд охотников, и что моего отца несут на носилках, что лицо его закрыто, будто у мёртвого.

Мама, в чём была, выскочила из дома и побежала на край деревни, где и встретила охотников. Люди и, правда несли носилки, на носилках и, правда, лежал человек, но лицо его было вовсе не закрыто, и был это не мой отец.

Потом Люнега отпиралась, мол, не узнала, мол, перепутала. Но это было уже потом. А пока мой отец смотрел, как мама бежит к нему в домашней рубахе и одних носках, по утоптанному хрустящему снегу, сквозь морозный искристый воздух.

Мама рассказывала, что он подхватил её на руки, словно соломенную куклу и отнёс домой. С полпути тянулся за ними сукровичный след. Баню тогда натопить не успели. Отец едва успел позвать бабушку Яглику.

Я родилась молча. Нить для Доли приготовить никто не успел, и бабушка сняла с шеи оберег, и тесёмкой, на которой он висел, перетянула пуповину, привязав ко мне мою судьбу.

Плакать я не плакала, дышать не дышала. Так и не услышав моего голоса, отец вбежал в баню и, трясая меня изо всех сил, стал кричать:

– Вернись!!! Слышишь?! Вернись!!!

Толи Боги тогда сжалились над ним, толи решили наказать его за то, что вмешался в их дела, но как рассказывала мама, я раскашлялась, проморгалась и, удивлённо оглядевшись своими затянутыми просинью глазами, расплакалась.

– Сбылась, – заулыбалась моя бабушка.

Так и назвали – Збина²⁰.

²⁰ Збина – сбывшаяся.

Глава 2. Новое имя

Тринадцать зим жизнь моя текла тепло и безмятежно. Были у меня два братика и сестрёнка. И семья наша никогда не знала ни бед, ни даже огорчений.

С самого моего рождения ни мама, ни папа даже словом не перемолвились с тёткой Люнегой. Та и бабушку Яглику просила помирить их с сестрой, и даже меня. Но всё было без толку. Родители мои и слышать ничего не хотели.

Когда наступила моя тринадцатая весна, я сняла рубаху. Мама давно уже приготовила мне поневу. Она ждала своего часа в дубовом сундуке, и по ночам я тихонько подкрадывалась к нему, чтобы приподнять крышку насколько хватало сил, и пощупать мой будущий наряд. Ткань была мягкая и гладкая. Для неё мама, не жалея пальцев, пряла тонкие-тонкие нити почти три луны.

Настал день, когда надо было идти к волхву за заступничеством. Встали затемно, меня даже будить не пришлось – я итак всю ночь не спала.

Волхв, как и было ему положено, жил далеко от деревни. Здесь иссякал лес, и вздымались горы. Ветер каждый день ходил здесь туда и обратно: утром – из долины в горы, вечером – с гор в долину. У ветра волхв узнавал все нужные ему вести, спрашивал волю Богов, с ним же передавал свои просьбы. Именно ветру должен быть рассказать волхв обо мне, замолвить за меня слово перед Богами, чтобы моя новая, взрослая, жизнь была ещё лучше прежней. Я шла по расхлябшей от вчерашнего дождя, тропке и представляла, как мы вернёмся домой, как натопит мама баню, как, отогревшись и намывшись, последний раз одену я свою детскую рубаху, как три дня буду сидеть запертой в горнице и прясть. Чем больше локтей напряду, тем щедрее жизнь ко мне будет. А потом будет праздник. И мама наденет на меня поневу.

И ради всего этого я карабкалась по скользкой тропинке, выпачкав руки по локоть, а ноги – почти по колено в грязи.

Перед тем как зайти в землянку, в которой жил волхв, мы с мамой, как положено, умылись в расине²¹. Вода была такая холодная, что казалось, будто это лёд течёт сквозь пальцы.

Сердце билось так громко, что я сама себя не слышала, когда говорила заученные дома слова.

Белозер был уже стар. Боги не баловали его здоровьем, но и смерть дарить не спешили. К нему за таким же вот заступничеством ходила ещё моя бабка Избава. Сколько ему было лет, он, наверное, и сам не знал.

Время почти съело его глаза. И с каждым разом всё ближе и ближе приходилось подходить ему к человеку, чтобы увидеть прошлое, настоящее и будущее. Поговаривали, что раньше он мог о целой деревне рассказать, даже не заходя в неё.

Но в тот раз он подозвал меня к себе, усадил рядом и взял моё лицо в ладони. Долго долго смотрел в глаза. А потом сказал, повернувшись к матери:

– Не будет ей моего заступничества. Не человек она.

– А кто же? – спросила мама, ещё не понимая, что случилась беда.

– Может оборотень, а может и не оборотень даже, а и того хуже, – спокойно ответил волхв, – души в ней только на половину. Нечисть она.

– Да какая же нечисть!!! – закричала мама, – я её под сердцем семь лун носила, сама выкормила, сама вырасти...

– Это я и без тебя знаю! Молчи! – спокойствие с Белозера словно его же дыханием сдуло, – а когда муж твой дитя ваше из рук Богов вырывал, неужели не думал, он, что Боги

²¹ Расина – источник, родник.

его накажут?! В наказание она вам дана. Подменили тебе Боги дитя. Человека забрали, а нечисть дали! – ткнув жёстким пальцем мне в щёку, закончил свою речь волхв.

– Не верю я этому.

– Веришь, не веришь, а жить ей среди людей нельзя. Оставишь её – не будет твоим детям заступничества перед Богами, беду на них навлечёшь.

Слёзы по щекам начали струиться раньше, чем я обиделась на волхва. Такие горячие, такие солёные. Мне не было страшно. Меня душили обида и злость на этого белого от седины, полуслеплого старика, который хотел лишить меня дома, мамы, жизни....

– Ты сам нечисть!!! – закричала я. – Не будет тебе покоя до самой смерти за твои слова!!! Человек я!!! Слышишь?! Человек!!!

– Ах, ты, выродок!!! Визжать на меня смеешь!!! Пошли вон отсюда!!! – мне в тот момент показалось, что Белозер сейчас дымиться начнёт.

– А ты запомни, – крикнул он маме, – пока она будет среди вас жить, никому из вашей деревни не дам заступничества. Она – нечисть, а нечисть или по лесу бродит, или без головы закопанная лежит.

Вечером того дня хоть и было в нашем доме много народу, но было тихо и безрадостно. Все думали. И я думала. Думала, что вот сейчас отец хлопнет ладонью по колену, резко встанет, как всегда широко улыбнётся, и скажет: «Ну, чего приуныли?». И всё наладится. Ну, уж никак я не думала, что это были мой последний вечер и последняя ночь в родном доме.

Теперь-то я уже знаю, что ничего другого кроме как отправить меня в лес, родителям моим не оставалось. Иначе наши же родичи пристукнули бы меня по первому слову волхва. Ведь все знают – без Богов никуда, а заступник перед Богами только один – волхв.

Но бабушка Яглика спасла меня.

– Ничего. На Белозере свет клином не сошёлся. Он перед Богами не заступился, так кто-нибудь другой заступится.

– Кто? Один у нас волхв, – хмуро сказал отец.

– И на волхвах свет тоже клином не сошёлся. Собирайте Збину, завтра к видране²² пойдём. Уж она-то разберётся, что да как.

– К какой видране? – спросила мама.

– В долине Стражей Божьих Ворот живёт видрана. Я к ней когда-то сама ходила заступничества просить. Если Боги ещё не подарили ей смерть, то она должна нам помочь.

– Но кто же поверит чужой видране? У нас никто не послушает её.

– Так Збина больше и не будет нашей. Если ей не суждено быть нашей, значит, будет чужой.

Мама опять заплакала. Отец рывком вышел из избы. Избава и Здибор смотрели на меня неродными глазами и молчали. За весь долгий и невесёлый вечер никто из них не произнёс ни слова. Тётку Люнегу никто не стал звать. Дед Прелимир принялся утешать маму. И только до меня никому не было дела. Я уже стала чужой.

Разбудили меня даже не рано утром, а поздно ночью. Мама долго не выпускала меня из объятий. Она уже не плакала, но мне от этого было ещё страшнее. Нет, я не боялась того, что ухожу из дома. Я ведь не знала, что это навсегда. Я боялась видраны. Раньше я никогда не видела их. Бабушка Яглика сказала, чтоб я попрощалась с младшими. Все трое крепко спали. Я посмотрела на них, погладила сестричку по голове. Мне было неловко. На том я вышла за порог.

– Поклонись дому, – сказала бабушка.

Я поклонилась.

– Ну, пойдём, горе ты наше.

²² Видрана – кудесница, волшебница.

Шли долго. Поле сменилось кустарником, кустарник – лесом, потом лес опять обмельчал, спрятался между камнями.

Когда выбрались на самый гребень, бабушка первый раз остановилась. В предрассветных сумерках я едва различала её лицо, но было видно, что она улыбается.

– Здравствуйте, Божьи Врата, – сказала она, повернувшись лицом к югу.

Я посмотрела туда же, куда и она, но ничего не разглядела.

Было холодно. Склон с подветренной стороны скалился остатками снега в расщелинах.

Мы пошли на юг вдоль гребня, поднимаясь всё выше и выше.

Озябшее розовое солнце, выбравшееся из-за края земли, застало нас у подножья Божьих Ворот. Долина Стражей упирается в них наконечником стрелы. А самом острие возвышаются две огромные стены. Почти полторы дюжины локтей в ширину и чуть меньше трёх дюжин локтей в высоту каждая. Издалека кажется, будто они сплошь потрескались. Но когда мы подошли, я увидела, что на стенах выбито бесчисленное множество рун.

Видрана жила у самых ворот. Жила в маленькой избе, непонятно зачем обнесённой низким забором. Если бы я не знала, что хозяйка дома кудесничает, то подумала бы, что избу поставили только вчера. Меж хмурых серых глыб дом казался позолоченным. Брёвна ни посерели, ни почернели. Причелина была украшена рунами и витиеватыми узорами. Калитки в заборе не было. Был только широкий просвет в частоколе. От этого просвета и до порога избы вела мощёная камешками дорожка. И стоило нам ступить на неё, как хозяйка вышла на порог.

По правде сказать, я и не сразу сообразила, что это и есть та самая видрана, идти к которой я так боялась. На нас смотрела молодая женщина, младше моей мамы лет на пять. Добродушное лицо, светлые улыбчивые глаза.

– Ну, здравствуй, Яглика.

– Здравствуй, Нельда²³, – поклонилась бабушка.

Видрана посторонилась на пороге, жестом предлагая нам войти. Я поискала взглядом расину, но ничего похожего не увидела. Бабушка, видя мою нерешительность, подтолкнула меня вперёд. Я пожала плечами – может у видран так не принято.

– Долго же ты ко мне шла, Яглика, – Нельда и бабушка улыбнулись чему-то своему.

– Долго.

– А зачем? – без долгой беседы спросила видрана.

– За советом. Беда с моей внучкой, – Яглика кивнула в мою сторону, – не даёт ей Белозёр заступничества перед Богами. Говорит, что нечисть она. Да ещё и грозит, что в деревне никому помощи от него не будет, пока она там жить будет.

Нельда с любопытством посмотрела на меня.

– Как тебя зовут?

– Збина, – осипшим голосом отозвалась я.

– А чего ты там мнёшься у двери? Садись рядом, не бойся.

– Да я не боюсь, – буркнула я и села рядом с бабушкой на лавку.

Нельда взяла меня за руку.

– Ой, да ты холодная как ледышка!

Она навела небольшой жбан горячего душистого питья, кисло-сладкого на вкус.

– Пей маленькими глоточками.

Пока я жмурилась от пара и швыркала²⁴, бабушка в подробностях пересказывала о том, что со мной приключилось. Видрана кивала её словам, изредка косясь на меня. От отвара и, правда, стало теплее – и в теле, и на душе.

²³ Нельда – запретная; блаженная.

²⁴ Швыркать – вбирать в рот пищу или питье со специфическим шумом.

– Белозёру пора нового заступника деревне искать. А как найдёт – собрать пожитки и в Моранину Пустошь идти²⁵, – сказала Нельда, когда Яглика закончила рассказ.

Я фыркнула сдавленным смешком, но поймав строгий бабушкин взгляд, умолкла.

– Могу, кого хочешь в свидетели призвать, что она не нежить. Дорожка камешками заговорёнными выложена – ни одна нежить по ней пройдёт. И не оборотень – отвар весь выпила, ни разу не поперхнулась. Только вон разругалась да краше стала.

Я смутилась.

– Только вот какой совет дать – ума не приложу. Я если за неё перед Богами попрошу, толку большого не будет. Белозёру я не указ. На то он и волхв. В деревне вашей меня никто не знает, и заступничество моё – что звук пустой. Если только у Стражей её пристроить. Может, сумеешь с сестрой договориться?

Бабушка только головой покачала.

– Ты же сама знаешь – Стражами дважды не становятся. Если один раз повернулся спиной, больше твоего лица никто не вспомнит.

– Жалеешь? – спросила видрана.

– Нет. Даже самую малость – нет, – по-мужски сжав кулаки, ответила Яглика.

Я слушала и ничего понять не могла. Как моя бабушка могла ходить за заступничеством к Нельде, если та ей в дочери годится? Почему я ни разу не слышала, что у Яглики ещё и сестра есть?

– Что ж... Раз ничья ты теперь, Збина, то, пожалуй, я тебя пока себе заберу, – сказала видрана.

– Это как? – я растерянно посмотрела на бабушку.

Яглика с благодарностью посмотрела на Нельду. Потом обняла меня, крепко прижала, в голосе проступали слёзы, и от этого мне тоже хотелось плакать.

– Ластонька моя, нельзя тебе домой. Пока нельзя. Белозёр тебя со свету сживёт. Ни сам, так подначит родичей. А как только всё уладится...

– Как только Белозёру Боги смерть подарят, – поправила её видрана.

Бабушка неохотно кивнула и продолжила:

– ...как только всё уладится, мы тебя обратно и заберём.

А потом... Потом потекла моя жизнь совсем не так, как мне мечталось. Не скажу, что жилось мне у видраны плохо.

Нельда была и добрая, и умная, и понимала всё без слов. А ещё была она очень-очень старой. Доживала видрана уже не первый, и даже не пятый людской век. Она научила меня читать и писать. На следующую весну я знала все травы в округе, могла приготовить из них и яд, и лекарство. Дня не проходило, чтобы не узнала я какую-нибудь новую старую историю.

От неё-то узнала я о своей бабушке то, чего мне никто никогда не рассказывал. Рассказала мне видрана, что Яглика родилась в племени Стражей Ворот.

Сами Стражи говорят, что именно Боги и завещали их предкам охранять эти ворота. Мол, скрыто за ними что-то такое, чего людям знать не положено. Вот и выбрали Боги самых сильных и самых смелых, самых мудрых и самых честных среди людей. И стали они Стражами. Воды с тех пор утекло столько, что никакое море не вместит. Но и по сию пору никто не может стать Стражем, просто поселившись в долине. Для этого надо им родиться.

Когда мой дед Прелимир был ещё молодым воином, и ходил в дозор по границам нашей долины, повстречал их отряд на пограничном гребне двух Стражей. Одним из них и оказалась бабушка. И виделись-то всего ничего, видрана говорила, что едва ли два слова друг другу сказали. Но видно Доли их такими были, что не смогли друг без друга. Бабушка тогда в дозоре была с женихом своим названным. Но и он удержать её не смог. И когда уже свадьбу

²⁵ Отправить в Моранину Пустошь – это всё равно, что послать к чёрту, или пожелать скорейшей смерти (прим. ав.).

собирались играть, ушла Яглика из дома, из долины и из Стражей. Но перед этим к Нельде сходила – судьбу узнать. Видрана на счёт судьбы ничего не ответила, только счастья пожелала, да сказала, что если нужда какая случится, Яглика всегда может к ней прийти.

В родной долине у бабушки остались родители и сестра. Но она их больше никогда не видела.

Моё имя Нельде не нравилось. Она говорила, что ничего хорошего у меня в жизни не сбылось. И потому называла меня Туга²⁶.

На каждое новолуние я на целый день уходила в горы. На гребне, служившем границей между долинами, я ждала кого-нибудь из своей семьи. Бабушка приходила всегда. Часто с ней приходил отец. По началу, мама тоже приходила. Но потом перестала – у меня родился ещё один братик. И пока она его ждала, ходить было далеко и тяжело, а после его рождения хлопот было много. Умом я понимала, но сердцем злилась и на маму, и на братика, которого я даже не видела. Мне приносили что-нибудь вкусное и небольшие подарки для Нельды. А ещё новую одежду – теперь после заступничества видраны мне можно было носить понёву, но это меня совсем не радовало.

Ночами я плакала, уткнувшись в переданную мамой рубаху, чувствуя запах родного дома, и всей душой желала, чтобы Белозёр поскорее ушёл в ту самую Моранину Пустошь. Я придумывала разные яды. А вот как заставить волхва их выпить не придумывалось. Но Боги продолжали держать его в этом мире.

Когда минула моя шестнадцатая зима, люди из долины Стражей, приходившие к видрану, стали приносить разные слухи. Одни говорили, что слышали вой оборотня за окнами. Другие рассказывали, будто альвы²⁷ войной собрались идти. Третьи предупреждали о нашествии нежити.

Такие побасенки я и раньше слышала, еще, когда дома жила. Но никогда их не было так много. Слухи эти рассказывал и стар и млад, и девушки молодые и бывалые войны.

Чем больше приносили таких вестей, тем больше хмурилась Нельда.

– Слухи, Туга, просто так не рождаются и не растут. Им зерна и почва нужны.

И однажды ночью её правота сама пришла в гости. Ещё с вечера заволокло небо, вроде как гроза собиралась. Но вместо грома в темноте раздался вой. Если бы мне тогда сотня видран стала твердить, что это воет волк, я бы им не поверила. Ни разу не слышав голоса оборотня, я сразу же его узнала.

Соскочив с лавки, я кинулась к оконцу. Нельда уже стояла возле него.

– Не бойся. Они сюда не придут. Нечисть боится видран, – сказала она шёпотом.

– Так он же один, – задыхаясь от биения сердца, просипела я.

– Нет, их там трое, – возразила Нельда.

– Откуда Вы знаете?

– Чувствую, – еле слышно ответила она.

Я стала одним большим ухом, ловя каждый шорох. Но чем больше я старалась прислушиваться, тем громче стучало сердце. И тут они завывали втроём. Страх накрыл меня с головой. Заунывные переливы их голосов собирали нутро в невидимую горсть и крепко сжимали кулак.

Наступившая следом тишина покоя не принесла. Изгородь покрылась светлячками охранных рун, светившихся всё ярче и ярче. От этого в избе стало светлее. Я посмотрела на Нельду – лицо её переменялось, став каким-то хищным, недобрым.

– Охотитесь, голубчики, – то ли прошептала, то ли прошипела она, – ну, что ж поглядим, кто нынче с добычей будет.

²⁶ Туга – печаль, горе.

²⁷ Альвы – тоже самое, что эльфы.

«Голубчики» в ответ завyli у самого забора, один хотел было перепрыгнуть через него. Полыхнуло синим и смельчак исчез, не успев и взвизгнуть. Над изгородью мелькнули два высоко поднятых хвоста.

– Побежали искать обходной путь. Видать совсем глупые, – ухмыльнулась видрана.

Я подошла к другому окну, из которого можно было видеть каменную дорожку. У самого её начала в нерешительности замерли два зверя. Свет рун выхватывал их неясные очертания, и непонятно было – то ли и вправду они такие большие, то ли страх и темнота делали их такими. Один из них недоверчиво обнюхал крайние колышки забора, и, почувствовав мой взгляд, поднял голову и оскалился. Я ждала, что вот-вот и они кинутся к порогу или в окно. Но оба исчезли в темноте. До утра всё было тихо.

Как только рассвело, Нельда стала собираться в долину.

– Они пришли оттуда. Мало ли что там эта нечисть натворила, – говорила она, укладывая в котомку мешочки с травами и фляжки с лечебными снадобьями.

Я упростила её взять меня с собой. Людей из долины я видела не раз. Они часто приходили к видране, точно так же как в нашей деревне ходили к волхву. Но сама я ещё никогда не ходила в долину.

Дорога была, на удивление, лёгкая и быстрая. Утро ещё не перешло в день, когда мы увидели первую в долине деревню. А вернее сказать, то, что оставили от неё оборотни и пожар. Лечить было некого, а травами и снадобьями никого не воскресишь. Деревенька была небольшая – дюжина изб, жавшихся друг к другу. Остались от них только обугленные печи. Изгороди вокруг деревни не было. Да она бы ни не спасла.

– Это что же такое делается? – повторяла Нельда, теребя котомку.

Я же и слова не могла вымолвить. Ещё когда дома жила, видела я мёртвых, и не раз. На похоронах. Но никогда не приходилось мне смотреть на растерзанные зубами и огнём тела. Здесь такими были все, что попадались на глаза.

– Слушай, Туга, меня внимательно, – видрана обхватила мою голову руками, словно собиралась оторвать, – сейчас возьмёшь половину моих припасов и пойдёшь к себе долину. Да будут Боги добрыми, может эти твари обошли её стороной. Предупредишь Яглику о том, что появились в округе два рождённых оборотня, что набирают они себе свору, и отдашь то, что я тебе дам. Сейчас поднимешься по левому склону вон до той скалы, – она повернула мою голову, – за ней начинается тропа дозорных. Спустишься по той тропе до ручья, и пойдёшь вверх по ручью – выйдешь как раз к твоей деревне. Поняла?

Я кивнула. Но только потому, что даже если бы она мне ещё десяток раз сказала то же самое, я бы всё равно не поняла.

– Смотри, детонька, осторожна будь.

Я ещё раз кивнула.

Нельда переложила припасы, повесила мне на шею какой-то камешек и наказала крепко сжать его в руке, если что случится, и я, что было сил, побежала. Выдохлась я очень быстро – толи от страха, толи от того, что в гору бежала, но ноги стали тяжёлыми, словно каменными. Я едва выбралась на гребень возле скалы. Тропка дозорных была извилистой и заросшей. Видать в дозор по ней ходили не часто – быстро идти не получалось. Солнце уже было высоко, когда я наконец-то добралась до ручья.

Здесь меня ждали не ждавши. Двое дозорных из моей долины под белы рученьки препроводили меня прямиком к своему старосте. А тот, недолго думая, позвал волхва для совета – что со мной делать.

Так вот мы с тобой, Наволод, и встретились.

Глава 3. Приманка

– Ну, что же... Коротенько, складно и... – волхв посмотрел на мою шею, – и честно, – закончил он.

Всё то время, пока я рассказывала, на шее у меня висела небольшая бирюза и светилась зелёным. Наволод осторожно снял её, запрятал в котомку, и только потом, словно случайно вспомнив, развязал мне руки.

Стражники не пожалели сил, затягивая узлы. Ладони стали белые, словно снег, пальцы не слушались.

– Не сердись на них, – сказал волхв, увидев, как я потираю запястья, – уж очень не спокойно вокруг стало. Вот они и перестарались маленько.

Я почти два дня ничего не ела, совсем не спала и неожиданно проступившая в его голосе мягкость меня смутила.

– Мне бы... домой, – выдавила я.

– Будет тебе «домой». Будет, конечно. Только поешь сначала. Я старосту Кукура²⁸ давно знаю. Нрав у него ещё тот. Небось, голодная и холодная со вчерашнего дня.

«Да уж не сытая и обогретая», – подумала я, но промолчала. Теперь, когда потерять голову как нечисти, мне не грозило, я нашла в себе силы обидеться. Ишь ты! Думает, накормят какими-нибудь обедками, а я и рада буду.

– Нет, я домой пойду, – хмуро отозвалась я.

– Ну, чего ты упрямись? Не бойся, больше тебе никто плохого слова не скажет.

– А чего это ты такой добрый стал? – подозрительно прищурилась я, заодно испугавшись собственной дерзости. На вид волхв годился мне в отцы. Но я уже слишком сильно обиделась.

– Вы, волхвы, просто так рядом не сядете, – выпалила я, и поперхнулась. Эту присказку частенько повторяет Нельда, говорит, что они, волхвы, ничего не делают запросто – ты либо становишься их должником, либо жертвой, либо они твоими руками жар загребают.

Наволод нахмурился. Я ждала, что он меня обругает и выгонит, или того хуже – проклянет.

– Видрана тебя этим словам научила. Так ведь? Да не мотай головой. Знаю, что так. Только ведь все мы люди – и волхвы, и видраны. А люди, они ведь тоже друг другу рознь.

Я нехотя кивнула. Он был прав.

– А то, что я злой был, а стал добрый, это ты не права, – улыбка чуть тронула его губы и сразу спряталась, – Я осторожный. Из нашей деревни уже троих дозорных увели.

– Как это увели? – удивилась я

– А так... – замолчал, было, он, но потом, вроде как, передумав, продолжил, – Оборотни, как люди, разные бывают. Есть оборотни рождённые – их Боги такими создали. Для них волком становится – как дышать, могут на дню хоть дюжину дюжин раз. А ставши волком, и разговаривать могут, и помнят всё. Одним словом – человек в волчьей шкуре. Живут себе маленькими деревеньками, травы собирают для торговли, некоторые пушнину добывают, охотятся. Нюх у них, да и зрение – всему зверью на зависть, а уж о человеке и говорить не приходится. Они не плохие, только было время – травили их, будто крыс. И с собаками особыми охотились, и посёлки их сжигали, и болезнями морили. Так что людей они не очень жалуют, да люди их тоже. Но если какой из рождённых оборотней человека покусает, тот тоже оборотнем становится, а покусавший становится для него вожаком. Человек сам пре-

²⁸ Кукур – кулак

вращаться в волка не может, только по зову вожака. А когда превращается, то становится зверь зверем – не помнит, кто он есть, только вожака слушается.

– А обратно?

– Что обратно?

– А как человек обратно из волка человеком становится? – задумалась я, – тоже когда вожак прикажет?

– Никак, – зло отрезал Наволод, – в человека его только снадобье может превратить. Но такое редко случается. Попробуй волка отваром травяным напоить, да ещё и горячим.

– А если человека отваром напоить, пока в волка не превратился?

– Тогда всё наладится. Главное успеть, пока вожак не позвал.

– Значит, ваших дозорных в оборотней превратили?

– Теперь они уже просто волки, – горько выдохнул Наволод. Потом тряхнул головой, хитро посмотрел на меня:

– Ну, что? Всё выпытала?

– Всё, – ответила я, вдруг улыбнувшись.

– Ну, тогда пойдём, поешь на дорожку. Потом отправим с тобой двух дозорных. Они тебя своей тропой проведут, мигом дома будешь.

Меня накормили пирогом с капустой, напоили сладким мятным отваром. Сразу захотелось спать. Но дозорные уже ждали меня. Я стряхнула слабость и решительно встала из-за стола.

– Ну, спасибо вам за гостепреимство, – благодушно хмыкнула я. Наволод улыбнулся. Он один меня провожал. Старосте до меня и дела не было – волхву виднее, что со мной делать. Дозорных, правда, не хотел отпускать, но Наволод сказал, что глянуть, что да как в той стороне, куда я пойду, было бы неплохо. Староста насупился для вида, но согласился.

– Прощай, Туга. Не груби больше волхам, не все такие добрые как я, – нарочито серьёзно сказал волхв. И я побежала догонять дозорных.

* * *

Здесь было хорошее место для засады – тропа круто забирала вверх, сужалась, а потом и вовсе виляла, чтобы обогнуть огромный камень. Камень врос в склон, его пологая макушка покрылась дёрном и поросла реденькой травой.

Геррорр²⁹ примостился на макушке, улёгшись как можно аккуратнее, чтобы не примять травы, ветхая изгородь которой почти прятала его от глаз поднимавшегося. Почти. Но и этого было достаточно. По сравнению с ним, неви³⁰ были слепы, глухи и безносы. К тому же, поднимаясь в гору, они редко смотрели по сторонам, всё больше себе под ноги.

Гаары³¹ ждали за камнем. Геррорр чувствовал запах их нетерпения. Он позвал их только вчера. В охоте они ещё были не опыты. Да и им и не надо. Главное, чтобы отвлекли. Остальное он сделает сам.

Правая передняя лапа, которую он подобрал под себя, затекла и зудела. Геррорру очень хотелось размяться, но двигаться лишний раз было опасно. Он дёрнул пару раз ушами – это всё что можно было сейчас. Неизвестно кто может оказаться поблизости.

Скоро солнце пойдёт на вечер, и ветер поменяется. Это плохо. Пока ветер дует снизу неви не смогут подойти незамеченными ближе, чем на две сотни гёров³².

²⁹ Геррорр – от «Ger rогг» – большой зуб (пер. с тяариарри, языка оборотней).

³⁰ от «nevi» – люди (пер. с тяариарри).

³¹ от «gaag» – обращённый оборотень (пер. с тяариарри).

³² от «gëg» – мера длины, равная прыжку оборотня в обличие волка, ≈3 метра (пер. с тяариарри).

И ветер, словно услышав его мысли, лёгким порывом шевельнул траву, дразня новым запахом.

Геррорр сделал глубокий вдох.

Они. Трое. Два невера³³ и леирлюр³⁴. Геррорр озадаченно принялся ещё раз: откуда здесь леирлюр? Это тропа дозорных. Хотя они и неви, но кого попало по тайным тропам водить не будут. Ну, не фяирату³⁵ же она.... Слишком молодая.

Геррорра очень смутил этот всё ещё детский нежный запах.

Во-первых, потому что его тут не должно было быть, а во-вторых, потому, что его обладательницу ему придётся убить....

Убивать по приказу – это одно....

Здесь же ему никто не приказывал....

И он мог бы отпустить леирлюр....

Но вдруг потом окажется, что её надо было убить. И ему, Геррорру, придётся объяснять, почему он этого не сделал....

Оправдываться Геррорр не любил....

Придётся убить....

Гаары тоже почувствовали запах и засуетились. Потом взглянули на вожака и успокоились. Геррорр всем своим видом показывал, что время лап и клыков ещё не пришло. Это спокойствие давалось ему нелегко. Чем ближе подходили неви, тем сильнее становился запах, тем труднее было ждать.

Наконец он их увидел.

Шли они очень удобно – неверы впереди, леирлюр слегка приотстала. Геррорр осмотрел снаряжение дозорных, но ничего такого, что бы могло помешать ему, не увидел. То ли в их деревне нет фяирату, то ли....

Геррорр аккуратно подобрал под себя лапы, приготовившись к прыжку. Гаары последовали его примеру. Дюжина гёров, полдюжины..., два гёра.

Один из дозорных обернулся посмотреть, сильно ли отстала леирлюр. Второй шагнул за камень...

Геррорр успел порадоваться тому, насколько хорошо всё складывается.

Гаары повалили первого на землю, делая вид, что метят зубами в горло. Второй кинулся было на помощь, но Геррорр уже был тут как тут. Неглубокая рана на шее словно появилась из ниоткуда. Нев³⁶ обмяк под лапами вожака. Глаза закатились. На лице проступила блаженная улыбка.

Геррорр облизнулся и направился ко второму дозорному. Вдруг по спине пробежал холодок. Такой знакомый. Такой опасный. Не зная, куда придётся удар, Геррорр метнулся за камень. Мгновение спустя на том месте, где остались его следы, расплескалось синее пламя. Один из гааров взвизгнул и покатился вниз по склону.

Геррорр решил последовать за ним. Уйти вверх по тропе не получится, а напрямик по склону – тем более. А снизу тропу подпирала заросли кустарника. Ползком уйти можно. Сразу их искать никто не будет – будут спасать своих. Осталось немного – не оказаться в Лесу Предков, когда закончится прыжок.

Уцелевший гаар вжался в землю и смотрел на вожака, прячась за телом нева, отметить которого Геррорр ещё не успел.

³³ от «never» – человек, мужчина (пер. с тяариарри).

³⁴ от «leirlür» – девочка, обычно не оборотень (пер. с тяариарри).

³⁵ от «fäiratu» – колдун, независимо от пола, дословно «наказанный» (пер. с тяариарри).

³⁶ от «nev» – человек (пер. с тяариарри).

Со стороны могло бы показаться, что вожак вылетел из-за камня, словно стрела. Но самому Геррорру думалось, что он застрял в вязком, липком воздухе и уже никогда не коснётся лапами земли. И когда, наконец, по голому животу полоснули колючие, перепутанные между собой ветки, Геррорр готов был таявкать и скакать как годовалый мёр³⁷. Припав к земле так низко, как только было можно, он заскользил по склону.

Позади несколько раз полыхнул синий свет. Но целились не в него. Видимо гаар шёл за ним следом.

* * *

По началу дорога давалась мне легко, но потом я стала отставать. У дозорных же даже дыхание не сбилось. Тропа стала круче. Но на сердце от этого стало веселее – значит, скоро буду дома.

Солнце стекало в долину, как вода в ладони. Весна перебралась через половину. Тишина, которая зимой пугала и оглушала, наполнилась теньканьем, журчанием, урчанием, жужжанием и шелестом. По утрам уже было тепло, а по вечерам душисто.

Я глазела вокруг – странно, ведь иду домой, а, кажется, будто не была здесь никогда. Конечно, дозорной тропой ходить мне не приходилось, но ничего знакомого, кроме гор, я так и не увидела.

Тропинка становилась уже и круче и немного впереди пряталась за большой камень. Один из дозорных уже скрылся за ним. Второй, видимо вспомнив обо мне, обернулся.

И тут из камня показался первый. Он упал навзничь. А на него прыгнули два волка. Второй дозорный бросился было ему на помощь, но соскользнувшая с верхушки камня серая тень повалила и его. И только тогда я разглядела, что это были не волки. Три огромных серых оборотня с ощеренными клыками склонились над телами моих провожатых.

Не слушающимися руками я пыталась нащупать под рубахой камень, который дала Нельда. Ладони покрылись испариной. Ну, наконец-то. Вот он. Я сжала его до белых костяшек. И в этот миг откуда-то из-за моей спины вырвалось синее пламя и метнулось к одному из оборотней. Но он успел спрятаться за камень.

Что было дальше, я не видела, потому что воздух вокруг начал серебриться, наполняясь странным потрескиванием. Всё вокруг стало колючим и жгущимся. И вдруг страх прошёл. Чем глубже я вдыхала этот серебряный колючий воздух, тем большей радостью наполнялась душа. Меня словно ударили по ногам. Медленно падая, я зажмурилась и уже не смогла разлепить веки.

Когда я поняла, что очнулась, то долго не решалась пошевелиться и осмотреться. Просто лежала и смотрела в небо. Судя по солнцу, скоро вечер. Сильно болела голова. Руки и ноги вроде были на месте. Вокруг была всё та же гудящая весенняя тишина. Пахло дымом. Откуда здесь пахнет дымом? Наконец я набралась смелости и, приподнявшись на локте, огляделась.

Я всё-таки попала домой. Вот только никто не встречал меня у порога, не махал из окна, не сбежал с крыльца на встречу. Потому что не было ни крыльца, ни порога, ни окон. Дома не было. Осталась только печь. Всё остальное съел огонь.

То, что когда-то было моей деревней, стало одним большим пепелищем. Я искала и боялась найти что-нибудь похожее на обгоревшее тело, но, ни там где стоял ещё недавно мой дом, ни вокруг, насколько хватало глаз, никого не увидела. Значит, из дома моя семья ушла живой.

Я еле-еле встала. Голова болела так сильно, что видеть и слышать было больно.

³⁷ от «мёр» – щенок, ребёнок всех возрастов (пер. с тьяриарри).

Я порылась в сумке. Кроме пузырьков с зельями, что дала мне Нельда, было ещё снадобье от простуды. Сойдёт.

Едва перебирая ногами, я доплелась до развалин дома. Погреб был завален обуглившимися брёвнами. Будь я здорова, может я бы добралась до него. Там можно было найти старые котелки. А так получалось, что варить травы мне было не в чем. Я положила в рот щепотку снадобья и, сглатывая противную горькую слюну, принялась его жевать.

Через время немного полегчало. Но встала я только тогда, когда горечь во рту стала невыносимой. Скулы начало подёргивать судорогой.

Колодец был на месте. И ведро не забрали. Обливаясь и захлёбываясь, я жадно пила. Вода была сладкой и тягучей. Я не могла оторваться, хотя отдышаться и стоило бы.

Когда вместо головы заболел живот, я, наконец, остановилась. Уф....

Вечерело всё больше. К видране до темноты я уже не успевала. Возвращаться в Синемаккенку к до смерти гостеприимному Кукуру и хитро-доброму Наволоду мне совсем не хотелось. Ночевать в одиночку на пустом пепелище, зная, что поблизости бродят оборотни, было совсем не заманчиво, но я решила остаться.

Ещё немного отдышавшись, я всё же принялась растаскивать остатки брёвен, чтобы добраться до крышки погреба. На моё счастье прогорели они сильно и тяжёлыми не были.

В погребе всё было пусто и сыро. Будто не висело здесь никогда связок сушёных грибов, не лежало на полках вяленое и копчёное мясо, не стояли кадушки с квашеными яблоками и капустой. Значит, они сами ушли? Я совсем растерялась.

От снадобья меня начало клонить в сон, и, смалодушничав, я рассудила, что на ночь думать – только силы тратить. Я ещё помнила, как забралась на пустую полку. И всё....

* * *

...Я не могла понять проснулась ли, а, может, всё ещё сплю. Но отчетливо слышала дыхание. Спокойное, но какое-то тягостное. Словно у дышавшего было горе.

Сначала я подумала, что вокруг темно, но потом вдруг поняла, что у меня закрыты глаза. Я их не открывала. Сама не знаю почему. Кроме дыхания раздавался ещё какой-то шорох и ещё один звук. Этот другой звук был неприятным, он мешал слышать дыхание.

– Когда же ты вернёшься? – вдруг произнёс дышавший. Голос был мужской. Такой знакомый, такой родной. Я не знала, кого спрашивали, но почему-то была уверена, что меня. Я захотела открыть глаза, сказать что я итак здесь. Но веки меня не слушались. Моё тело вообще меня не слушалось. Я не могла шевельнуться.

О Боги, что же это?!!

Я начала задыхаться от своей неподвижности и беспомощности. И... проснулась. Сквозь прогревшие в крышке щели сочился солнечный свет. В погребе никого не было.

* * *

Сон на голых досках, да ещё и по соседству с каменной кладкой много сил не дал. Шея затекла, в правую руку кто-то невидимый колот множеством тоненьких горячих иголок, в животе урчало. Да уж...

Я потихоньку выбралась наружу, прислушиваясь, приглядываясь и по возможности принохиваясь. Вокруг всё было так же, как и накануне вечером. Только солнце не садилось, а наоборот вставало.

Умывшись, я обошла пепелище деревни. Страшного ничего так и не нашла. Да и не хотелось совсем. Разгребла пару погребов, но и в них тоже было пусто.

Так, на пустой желудок я и отправилась к Нельде выяснять – как так может быть, что сейчас человек стоит на горной тропе и до дома ему ещё идти и идти, а потом вдруг у себя дома как раз и просыпается. Этот вопрос мучил меня со вчерашнего дня. Понятно, что дело

было в камне, который всё ещё висел у меня на шее. Но мне было интересно, что это за чародейство такое.

Страх меня гнал, а голод подгонял. Спускаясь к подножью Божьих Ворот, я удивилась собственному проворству. Утро ещё и не думало переходить в день, а я уже здесь.

Пара шагов по каменной дорожке и дверь распахнулась. Нельда рванулась ко мне и крепко обняла.

– Детонька моя, где же ты была? – все ещё обнимая, то ли спросила, то ли вздохнула видрана.

– Дома я была. Только дома там больше нет. Сгорело всё.

– Как же ты туда добралась?! Почему не сделала, как я тебе сказала?! Почему камень в руке не сжала, когда оборотни напали?!

Я отпрянула. Откуда же она про оборотней-то знает?

– Я его и сжала. Дальше не помню ничего. А как проснулась, так и увидела, что я дома.

Пришёл черёд видране удивляться. Она ничего не говорила, ничего не спрашивала. Только смотрела широко открытыми глазами, будто видит меня в первый раз.

– А ты ведь говорила, что не обучала её чародейству. Соврала, значит? – на пороге появился волхв из Синекаменки.

– Тебе ли, Наволод, уличать меня во лжи. Но врать не врала. Снадобья и зелья готовить учила, травы различать и собирать правильно учила. Но не чародейству.

– Тогда как же она в деревню к себе попала?

– Не знаю.

Они бы, наверное, и дальше препирались. Но я помешала.

– Мне бы поесть чего-нибудь?

Нельда всплеснула руками.

– Пойдём, детонька, пойдём.

Жмурясь от удовольствия, я ела горячую кашу из полбы и запивала её простоквашей.

– Ну, расскажи ей, пока ест, как ты на неё оборотней ловил? – проедаая волхва глазами, сказала Нельда, – а то потом она молчать не будет, и тебе ох как не поздоровиться.

Я перестала жевать. Это как это – оборотней на меня ловил?

Наволод хмуро посмотрел на видрану и нехотя вымолвил:

– Ну, надо же было как-то дозорных в ту сторону отправить.

Глава 4. Правда о лжи

– Оборотни стали нападать в нашей долине восемь дней назад. Говорят, что они пришли с юга, из-за Большого хребта. Они разорили летний посёлок охотников. Увели почти всех. Двоим удалось спастись. Они-то и принесли эту новость нам. По пути они зашли в твою деревню и предупредили их. Белозёр рассудил, что лучше будет уйти на время. И вся Аржанинка ушла в степь, поближе к Анахору³⁸. Там стены каменные, людей много, да и стража городская дозорами вокруг ходит...

– Как так ушли?! – каша потеряла вкус.

– Да вот так и ушли. Ногами. Пожитки на скотину навьючили. Деревню сожгли и ушли!

– Ты чего орать тут вздумал? – холодным голосом спросила Нельда. – Забыл в чьём доме? И не думай даже пальцы крючить...

Наволод, и правда, как-то странно сложил пальцы, нос заострился, глаза сузились.

– ... не выйдет у тебя чародейства. Здесь моя сила. Захочу – и просидишь на этой лавке до последнего дня.

Лицо волхва расправлялось, словно ткань под рукой. Он опустил голову.

– Рано тебя Боги силой наполнили.... Рано.... Молод ты ещё. Слишком молод. А ты, Туга помолчи. Потом спросишь. Ему итак тяжело. Признаваться всегда тяжело.

Я кивнула. Молчать так, молчать. Голод отступил. Усталость перестала грызть шею. Можно было и помолчать.

– Ну, так вот. Ушли они к Анахору. За день до того, как ты, – Наволод, не глядя, кивнул в мою сторону, – пришла в Синекаменку, они прошли мимо нашей деревни.

«Ага, пришла. Как же, как же. Вот ведь мне в глаза про меня же врёт, и хоть бы хны» – негодовала я про себя, едва сдерживая слова на языке.

– Староста их, Бдич³⁹, мне и Кукуру и рассказал что да как, – продолжал волхв, – Белозера с ними не было. Бдич сказал, что старик с ними не пошёл. Говорят, помирать остался, а старосте сказал, чтоб в Круге Анахора нового заступника попросили. В тот день трое наших дозорных с восточной стороны домой не пришли. Я прошёл по их тропе. Нашёл оружие и рваную тесёмку с оберегом... от сглаза.... И много крупных волчьих следов. Тут уж и дурак разберёт – что к чему.

– А почему сюда никто не пришёл? Почему меня никто не предупредил? – от голоса видраны в доме словно похолодало.

– Я не думал, что они так быстро смелости наберутся сюда придти. Нечисть ведь боится Божьих Ворот, – всё так же с опущенной головой пробубнил Наволод.

– Вооот оно как, – ядовито протянула видрана. – А может просто на себя, сильного да умного, понадеялся? Надоело, небось, в деревеньке, в глуши горной? Решил выслужиться? Авось в Главный Круг усадят, да?

Её глаза потемнели, и комната будто наполнилась сумерками.

Казалось, кто-то натянул тетиву и стрела вот-вот должна сорваться. Мне было не по себе. Да и не только мне.

Видимо, Нельда была права. Бледный волхв был похож на мальчика, взявшего отцовское оружие без спроса и нечаянно выбившего глаз приятелю. Стыд, досада, злость на его лице снова и снова сменяли друг друга, Наволод молчал, будто выжидая – кто победит. Победила злость.

³⁸ Анахор – солнечный.

³⁹ Бдич – бдящий, деятельный, защитник.

– Да!!! Да, решил выслужиться!!! Чтобы больше не ходил ко мне никто за Словом Богов и не просил узнать – сеять или не сеять ячмень, резать или не резать скотину, жениться или не жениться, идти замуж за того-то или идти за другого. Боги меня не для этого силой наделили! Я видел такие миры, что не один альвийский бард не придумать, не описать не сможет! Я мог бы сминать вражьи крепости как туески! Я мог бы...

Видрана, нахмурившись, что шепнула. Волхв, видимо, продолжал говорить, что ещё он мог бы, но слов уже не было. Наволод по горячке шевелил губами ещё пару мгновений, а потом удивлённо уставился на свой нос. Не знаю, куда бы смотрела я, онемев на полуслове.

– Вот и славно, вот и хорошо, – Нельда улыбнулась, как ни в чём не бывало, – вот и договорились.

Наволод стал ещё блее. И думается мне, что совсем не от стыда за свой гнев.

– У тебя сейчас ещё и ноги отнимутся, если не успокоишься, – пригрозила видрана.

Я никогда не видела, как зачаровывают людей. И уж никак не ожидала такого от моей покровительницы. Волхва мне было не жалко, хотя я теперь поняла, что видраной шутки ой как плохи.

– Пойдём, детонька, надо воды наносить, баню натопить, – Нельда встала рядом со мной, положив руку на плечо.

– А он как же? – кивнула я на Наволода.

– А он пусть посидит, подумает. Может, спеси в нём поубавится. Уйти – не уйдёт, кто ж тогда немоту его вылечит. Так ведь? – она приветливо улыбнулась волхву, словно капризному ребёнку. Тот в ответ одарил Нельду таким взглядом, что сразу стало понятно – уходить он и не собирался. Вот придушить голыми руками – это пожалуйста.

– Да, не те теперь уже времена. Не те, – сокрушалась Нельда, хлопоча у банной печки.

У неё и дня не проходило без этих слов, но никогда я не слышала я в них столько горечи.

Наволод, и правда, не был похож на тех мудрых и сильных волхвов из историй, что рассказывала мне видрана.

Раньше, говорила Нельда, волхвов ждали тяжёлые испытания в Главном Круге. И далеко не всякий их выдерживал. Но это не главное. Главным было учение. Десять лет все, кто считал себя избранным Богами, должны были учить Закон. Закон был для всех один, но пути у всех были разные. «Прежде через сердце, после через разум» – учились видраны, «Прежде через разум, после через сердце» – учились волхвы. Видраны служат людям, помогая Богам. Волхвы служат Богам, помогая людям. Те, кто проходил испытания в Главном Круге, отправлялись по своему пути. Тех же, кому загадки были не по плечу, лишали дара, чтобы никому навредить не могли – с умыслом или без него.

Но случилось так, что умерший царь Велимир⁴⁰ не указал, кто же из двух сыновей займёт место на престоле. Царевичи рассорились и поделили владения. Даром, что мирно поделили – всё равно врагами остались. Северные земли, стольный Акамир⁴¹ вместе с Главным Кругом остались Омцару⁴². Здимир⁴³ ушёл на юг. Маленькая деревушка Догор⁴⁴ расстроилась, потянулась к небу каменными башнями, расползлась по сторонам света мощёными дорогами и стала городом Сретимиром⁴⁵.

Там собрали свой Главный Круг, потому как в Акамир с юга никого не пускали больше. В сретимирском Главном Круге тоже учили Закону, но уже не так долго, да и испыта-

⁴⁰ Велимир – великий мир.

⁴¹ Акамир – око мира.

⁴² Омцар – воцарившийся.

⁴³ Здимир – создающий мир.

⁴⁴ Догор – высокий.

⁴⁵ Сретимир – судьба мира.

ния стали не такими тяжёлыми – царю Здимиру нужно было много волхвов на случай войны. Видраны были не в такой надобности, и потому царь решил, что «каждая чародейка по усмотрению своему может брать себе учениц».

Прошло не так уж много лет и внук Омцара Ярополк⁴⁶ решил по родственному помочь царю южных земель Данеславу в будущей войне с альвами. Вместе с тысячей воинов он приехал погостить в Сретимир. Войны так и не случилось, а Данеслав, которому едва исполнилось четырнадцать лет, поехав с братом Ярополком на охоту, упал в обрыв и, пролежав в беспамятстве три дня, умер. Ярополк пообещал, что не оставит народ брата в беде и снова объединил Вель.

Столицей опять стал Акамир, сретимирский Главный Круг стал просто Кругом. По не очень старой привычке волхвов и видран из южных земель не жаловали в столице – Закону не учили, а испытания их никто проходить не спешил, потому как даром дорожили.

Нельда стала видраной перед самым разладом братьев Велимировичей. И очень этим гордилась. И обо всех волхвах, учившихся Закону в Сретимире, в рассказах своих отзывалась с недоверием. Наволод оказался в их числе.

Поднимавшийся над баней белёсый дым смешивался с облаками, притаившимися за Божьими Воротами. Та темнота, что напугала меня в комнате, оказалась предвестником первой грозы. Солнца уже не было видно, но я отчётливо чувствовала, что день уже перекатился через половину.

– А зачем родичи дома сожгли? – спросила я Нельду.

– Чтоб нежить не облюбовала. В пустом доме без охраны кто только не заведётся. А так они огнём всё повычистили. Зарастёт там теперь всё со временем. И будет почти как раньше – до того, как родичи твои там поселились. А там, глядишь, вернутся и заново отстроятся.

Почти... Да, как раньше уже никогда не будет...

Управившись с растопкой, мы вернулись в дом.

Наволод всё так же сидел на скамье, подперев голову руками. Видрана посмотрела на него с укоризной, но ничего не стала больше говорить. Просто шепнула опять что-то.

– Надеюсь, это добавит тебе ума, – беззлобно сказала она.

– Уже добавило, – сипло отозвался волхв и закашлялся.

– Главное, чтоб такого, какого надо, – рассмеялась видрана.

Раскат грома был словно подтверждением её слов. Воздух на улице наполнился шумом и водой. Мы выбежали под дождь – за Божьим касанием. Я и Нельда на ходу расплетали косы.

Как же это сладко – стоять среди упругих холодных струй, слыша, как беснуется вокруг тебя ветер. Страшно и сладко. Я набрала три пригоршни капель и решила, что этих трёх Божьих касаний мне хватит. Больше набирать не стала – вдруг Боги рассердятся. Нельда обошлась двумя. Наволод же нацедил целый туесок. А вода с неба всё лилась и лилась.

Привязанный у крыльца конь волхва жалобно заржал, мол, что же ты хозяин, кому Божье касание, а кому просто сырость. Нельда поняла его раньше хозяина.

– Оставайся, – кивнула она волхву, – обоим место найду.

Вряд ли Наволод был рад делить кров с чародейкой, способной сделать его беспомощным одним хлопком в ладоши, да ещё и по своему усмотрению, без всякого предупреждения. Но возвращаться домой под проливным дождём, рискуя нарваться на свору зубастых умников, видимо не хотел больше. Поэтому он поклонился в пояс и, улынувшись, сказал:

– Спасибо, добрая хозяйка, век не забуду.

– Поглядим, – отозвалась «добрая хозяйка».

⁴⁶ Ярополк – яростный воин.

На том и порешили.

Ливень стих, когда за окном уже улеглась упитанная лохматая темнота. Падавшие с крыши капельки, ещё долго о чём-то переговаривались.

Вечер прошёл тихо. Волхв и видрана больше не спорили, не ругались. Об оборотнях никто и словом не обмолвился. Не говорили и о том, что делать дальше. Но хорошо зная Нельду, и догадываясь о том, каков Наволод, я была уверена, что завтра утром им будет, что сказать друг другу.

По правде сказать, мне не очень-то нравилось то, что волхв остался погостить. При нём не поговоришь особо, не займёшься привычными делами. Я вообще не знала, как себе вести. Пока я, непонятно зачем суетясь, помогала Нельде, всё было ещё, куда ни шло. Но стоило только остановиться или сесть, я уже не знала, куда девать руки и куда смотреть.

Наконец сели есть и я, уткнувшись в миску, стала усиленно думать – было о чём. Если Белозёр и в правду собрался помирать, и у моих родичей теперь будет новый волхв, может быть мне можно будет вернуться в семью? Конечно, могут и не пустить. Староста Бдич – человек суровый. Если Белозёр ему наказ про меня давал, то нипочём не пустит.

Хотя до родичей моих сначала добраться надо было. До Анахора пешему два дня пути. Лошади у меня не было. У Нельды тоже. Да и будь у видраны лошадь, у меня не хватило смелости просить у неё. Одной отправляться в дорогу мне тоже совсем не хотелось. Но проволочных было не сыскать.

Я посмотрела на Нельду. Мне было стыдно перед ней за свои мысли. Если бы она не приютила меня три года назад, меня бы уже не было на этом свете, и вот сейчас я надумала её бросить.

Душевных посиделок не получилось. Не смотря на тяжесть на душе, меня клонило в сон. Чародеи думали каждый о своём. Поэтому решено было укладываться спать.

Мы с Нельдой решили ночевать в комнате, где видрана чародействовала. Наволоду же отвели почётное место на печке.

– Погрей свои старые кости, – ехидно посоветовала Нельда.

То ли запах трав, висящих под потолком, убаюкал меня, то ли я без того очень хотела спать, но стоило мне только растянуться на лавке, как сон тут же придавил меня тёплым, душистым покрывалом.

* * *

Темнота вокруг была липкой, сплетённой из незнакомых звуков и голосов. Я снова пыталась открыть глаза, пошевелиться, но всё было без толку. Я прислушалась – голоса говорили на странном языке. Отдельные слова мне были понятны.

Мне было тяжело дышать – чем чаще вдыхаешь, тем сильнее задыхаешься, тем страшнее становится. Я знаю – мне это всё снится. Надо проснуться и всё закончится. Надо открыть глаза.

– Не бойся, я тебе помогу. Ты просто заблудилась, – звучит чей-то голос в моей голове.

– Нет, не заблудилась, – пытаюсь спорить я, сама не понимая с кем, – он меня ждёт, он хочет, чтобы я вернулась.

Страх отступает. Я не одна в этой темноте. Но тот, кого я не вижу и с кем говорю, не ждёт меня. Ждёт кто-то другой. Но его нет рядом.

– Ты ошибаешься. Здесь никто не может тебя ждать. Ты здесь чужая, – голос становится жёстким, но не злым.

– Не правда. Он ждёт. Я слышала его.

– И кто же он?

– Я не знаю. Но кроме него у меня больше никого нет.

Слёзы сдавливают горло, но я не могу плакать. Я чувствую, что умираю. Страх возвращается. Я хочу кричать. Но голос в голове снова говорит:

– Не бойся. Идём со мной. Идём. Я отведу к тем, кто ждёт тебя.

Я верю ему.

– Да, да, идём.

Я больше не слышу голосов. Вокруг тихо и пусто. Совсем пусто. И только кто-то невидимый в голове всё ещё со мной.

* * *

Пробуждение было тяжёлым. За ночь травяной дух пропитал тело насквозь. Я едва могла шевельнуться. Нельда уже встала.

Сон всё не уходил. А я и не пыталась его прогнать, но обрывки слов, долетающих из соседней комнаты, не давали мне окунуться в него с головой. Я заставила себя сначала сесть на лавке, а потом даже и встать. Натянув рубаху и поневу, я пошла умываться. Громкий шёпот остановил меня у неплотно прикрытой двери. Чародеи шушукались как закадычные подружки.

– ...последний раз говорю тебе – не учила я никого чародейству.

– А как она тогда через грань прошла? Да ещё и туда и обратно? Ладно, обратно с моей помощью. Но ведь и этого быть не может.

– Говорю же – не знаю, и я тут не причём.

– И с камешком твоим этим, заговорённым, не всё чисто.

Видрана ничего не ответила. Слышно было, как она встала из-за стола, отодвинув скамейку. Я поспешила выйти из комнаты.

– Выспалась, детонька? – улыбнулась мне Нельда.

Я кивнула.

– А мы тут советовались да тебя дожидались. Волхв хочет тебя к родичам отвести. В провожатые напрашивается. Что скажешь? Пойдёшь?

Я опешила – вчера только голову ломала, а сегодня всё само собой решается.

Видрана испытующе смотрела на меня в ожидании ответа.

– Не знаю, – потупившись, сказала я.

– Знаешь ты всё. К матери с отцом хочешь, я же вижу.

– Я и здесь хочу быть, и там, – слёзы потекли без моего разрешения.

– Ну, чего ты плакать взялась, глупая. Не выгоняю я тебя. Не захочешь при муже быть да деток растить – приходи, так уж и быть, в ученицы возьму, – невесело улыбалась Нельда, вытирая мне щёки.

– Обязательно приду, – кивнула я.

Нет, не приду. И не потому, что выйду замуж и нарожаю детей. Просто знала я, не пойми откуда, что не свидеться нам с видраной, если расстанемся.

Сборы много времени не отняли. Под прибаутки Нельды и укоризненные вздохи торопящегося волхва я укладывала в сумку свои пожитки. Видрана с головы до ног обвязала и обвешала меня амулетами. Я с трудом могла вспомнить, какой из них защищает, какой нападает, а какой и о чём предупреждает. Как я не отпиралась, но на меня чуть ли не силой надели дорожные сапоги, которые Нельда купила этой зимой, ещё до этого переодев в старые холщовые штаны и чугу⁴⁷, невесть откуда взявшиеся в доме чародейки. Хорошо, что я со стороны себя не видела.

В довесок к сумке с одеждой, Нельда дала котомку, набитую всякими снадобьями и зельями, и фляжку с водой

⁴⁷ Чуга – кафтан для верховой езды и для военных.

Прощались мы на крыльце. Видрана наказала мне уходить, не оборачиваясь. И за мгновение до того, как повернуться к ней спиной, я заметила в уголках её глаз готовые вот-вот покатиться сквозь густой ободок ресниц слёзы.

Наволод ждал меня за забором. Уже верхом.

Кое-как уютившись на конском крупе, я примостила сумки.

– Хватайся за пояс и держись крепко – сказал волхв, развернувшись вполоборота. Я послушно протиснула пальцы правой руки под туго сотканный чёрно-красный пояс, левой придерживая своё добро. И мы тронулись.

Путешествие было то ещё. Я всё время думала, скоро ли я снова смогу сидеть.

Сумерки настигли нас уже в Синекаменке. Меня отправили ночевать к травнице, на край деревни. Пришлую девку в мужской одежде, двумя днями раньше навлёкшую беду на дозорных, никто не хотел пускать в свой дом. Бабка-травница же махнула рукой на мои «заслуги», сказав, что старухе, пережившей трёх своих детей, уже никто не может принести беды.

Утро следующего дня я встретила ещё до рассвета. Накануне Наволод выпросил для меня у старосты осла, и теперь я не ёжилась от мысли о предстоящей дороге. Ослик был чёрным, с длинными ресницами и норовом, достойным жеребца из царской конюшни. Он позволял сидеть на нём, но стоило только попытаться навьючить на него сумки, как тут же приходилось уворачиваться от укусов. С горем пополам мне всё же удалось пристроить поклажу.

Наволод не просто провожал меня в Анахор. Он намеривался рассказать тамошним волхвам о, что творится в долине. Поторапливаться, имея в попутчиках всадника на осле, мало у кого получалось. Зная это, волхв решил срезать путь, проехав по пастушьей тропе, ведущей до самой Засеки⁴⁸ – большого села на севере долины.

Ехалось легко. Лес остался выше по долине. Здесь же царицами были берёзовые рощицы. Толстые стволы приветливо белели вдоль утоптанной дорожки. Солнечный свет сочился сквозь ветви, выписывая причудливые узоры. Потревоженные птицы перепархивали с ветку на ветку, расплёскивая трели.

Я смеялась над собой за вчерашние страхи. И чего мне в голову взбрело? Я еду домой. И нечего слезами заливаться.

Бовыка⁴⁹ (так звали осла) ступал на диво осторожно и мягко. И когда на привале я спешила, то сильно и не радовалась, потому как не устала.

Костёр решили не разводить. Привалившись к дереву потолще, я разложила перед собой небогатые припасы и достала фляжку с водой.

Глоток застрял в горле, едва не отправив меня к Богам во цвете лет, потому что волхв ни с того кинулся на меня. Шмякнув правым боком о землю, Наволод вжал мою голову в траву и, не глядя, прошипел:

– Лежи смирно.

Синяя молонья⁵⁰, появившись ниоткуда над его ладонью, метнулась в ту сторону, откуда мы пришли. Потом ещё одна, и ещё, и ещё. Удары всё больше отклонялись влево, их свет тускнел, пока не превратился в голубое марево, робко колышущиеся в руке взмокшего волхва. «Наверное, от страха» – подумала я.

Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Наволод вздрогнул и ударил, запоздало поняв, что это была ловушка. Сил у него не осталось.

⁴⁸ Засека – застава.

⁴⁹ Бовыка – забавный.

⁵⁰ Молонья – молния; здесь: преобразованный магом сгусток магической энергии (прим. ав.)

– Побер-реги огонь, фяирату, – словно выйдя из Чародейской двери⁵¹, к тропе, осторожно ступая, шли два человека.

Глаза одного из них светились жёлтым.

⁵¹ выйти из Чародейской двери, пройти по изнанке – народное название телепортации, маги говорят «проложить серебряную дорогу», «серебряный полёт», «серебряный прыжок». Также используется в значении «незаметно появиться».

Глава 5. Попутчики

Только сейчас я заметила, что камешек, висящий на правом запястье, искрится тем же синим светом, что и всё остальное, предупреждающее об оборотнях или убивающее их.

Наволод вытащил из-за пояса нож и, перешагнув через меня, приготовился встретить атаку. Я живенько отползала задом наперёд, на четвереньках, на ходу удивляясь – как у меня так получается.

Оборотней похоже сместило то, что они видели. Тот, что был помоложе, неприкрыто скалился, тот, что постарше просто улыбался.

– У-с-покойся. Мы ва-с не тронем, – сказал старший. – Мы идём з-а вами от с-иних камней.

Я опешила: почему волхв не заметил их до того, как мы забрались в это безлюдье? Хотя я тоже хороша. Наверняка, камешек светился и раньше, а я просто не заметила.

У Наволода, видать, не было привычки верить на слово всяким там оборотням. Он резко и зло полоснул кинжалом по руке. Потом глубоко вдохнул. Над рукой опять затрепетало слабенькое марево.

– Стойте, где стоите, а мигом хвосты подпалю, – хрипло сказал волхв.

Вернув нож на место, он крепко сжал мою руку чуть выше локтя и поволок к своему коню.

– Сейчас живенько едешь в деревню, расскажешь всё Кукоре. Я их попридержу.

Судя по «их» лицам (или мордам, кто ж их разберёт), задумка Наволода была никудышной. Совсем никудышной. И «они» тут же это доказали.

Едва уловимое движение. Глухой короткий свист и конь за нашими спинами, жалобно заржав, завалился на бок.

Не ожидавший такого подвоха волхв рванулся к ближайшему дереву, сбив меня с ног. Я полетела затылком на землю и, пытаясь всё-таки не упасть, судорожно ухватила за ладонь Наволода. Она оказалась нестерпимо горячей, словно горшок только что из печи. Жар рванулся от правой ладони к левой, и мне показалось, что сердце вот-вот лопнет. А потом между деревьями расползлись языки синего пламени. Боль схлынула.

Оборотни бросились в разные стороны.

Я ошалело посмотрела на волхва. А он не сводил взгляда с правой ладони.

Затянувшееся удивление прервали два глухих коротких свиста и онемевшие ноги. Я наконец-то упала, потому что переставшие слушаться руки уже не за что могли держаться. Рядом со мной с непроницаемым лицом увалился Наволод. Он, видимо, понимал, что случилось.

– Ну, вот теперь мо-ж-но поговорить, – сказал старший оборотень, без видимой натуги пристроив спиной к дереву меня и волхва. – Бе-з з-лобы, фяирату. Вы с-ами на-с вынудили.

Теперь, когда деваться было некуда, я рассмотрела нечисть, как следует.

Старшему на вид было лет сорок. Короткие, густые, с частой проседью волосы. Высокий, больше похожий на альвийский, лоб. Большие, почему-то карие, глаза, хотя вот ещё совсем недавно были ярко жёлтыми и светились, и очень человеческий взгляд. Лицо (или всё-таки морда) худощавое, с ровным заггаром и выдающейся над уголками рта верхней губой. Рубаха из вотола⁵² скорее висела, нежели сидела, на сухом и жилистом теле. Штаны из кожи и такой же ремень были густо украшены угловатыми мелкими узорами. Сапоги больше походили на кожаные носки, потому что подошвы на них не было. Ни лука, ни стрел,

⁵² Вотола – грубая льняная или пеньковая ткань; здесь: ткань из пеньки.

ни меча, только короткий нож и маленькая трубочка за поясом справа и что-то маленькое, похожее на туесок, наполненное тоненькими палочками, на поясе слева.

С младшим они были похожи рубахой, сапогами и снаряжением. А ещё волосами, никак ни подходившими к молодому лицу. Второй оборотень ниже ростом и крепче. Лицо (ладно, лицо так лицо) было круглым, от чего оборотень казался добродушным. Глаза тёмно-серые, разрезом напоминающие большую каплю, но не висящую, а лежащую. Наверное, поэтому взгляд был каким-то водянистым. Одежда на нём была попроще. Штаны всё из той же ветоли, туго примотанные тесёмкой поверх голенищ, ремень заменяла тонкая полоска из выделанной кожи.

Видимо младший оборотень реже видел людей, потому что рассматривал нас с тем же любопытством, что и я его.

– Ну? Кто на-ч-нёт? – ухмыляясь спросил старший. Мне подумалось, что речь идёт о том, что из них первый будет нас есть.

Волхв не пожелал давать советы по этому поводу. А я от страха и от того, что дышала с большим трудом, решила промолчать. По лицу младшего оборотня было видно, что он не понял вопроса.

– Тогда я на-ч-ну, – сказал всё тот же оборотень. Я на всякий случай зажмурилась.

– Меня на-з-ывают Кёмарр⁵³. А его, – он кивнул на младшего, сидевшего неподалёку, – Винлёр⁵⁴

– Меня называют Наволод, – речь давалась волхву тяжело, мешало частое натужное дыхание, – а её Ветенета⁵⁵.

Ну, здравствуйте!!! Что же это такое?! Ещё один именовальщик нашёлся! Ну, уж нет.

– Не... неправда, – задыхаясь, промямлила я, – меня зовут Збина.

– Для меня не ва-ж-но, – сказал Кёмарр и, кивнув на волхва, добавил – но он прав больше, чем ты.

Спор о том, кто прав больше, а кто меньше, я решила отложить до того времени, когда сбегу отсюда куда глаза глядят, то есть навсегда.

Тем временем, дышать стало легче. Конь Наволода преспокойно пасся неподалёку. Надеюсь, и я скоро почувствую ноги. А ещё надеюсь, что волхв знает, что делает, называя наши имена нечисти. Меня словно кипятком ошпарило от этой мысли. Вот ведь дура какая! Поправлять его вздумала... Ну, и пусть называл как хотел. Вот и живи теперь два года как на иголках, да порчи жди. Хотя только Боги знают – есть ли у меня эти два года.

– Вы и-щ-ите Геррорра, верно? – спросил Кёмарр.

– Нет, мы идём в Анахор, – ответил Наволод, – надо рассказать Кругу о том, что здесь творится.

– За-ч-ем?

– Они помогут поймать... тех, кто сожгли деревню в Долине Стражей и забирают наших дозорных в стаю.

– Мы то-ж-е мо-ж-ем помо-чь.

– Ой ли?! Самих себя что ли ловить будете?

– Ты не прав, фяирату. Мы не ж-гли деревню, не убивали людей. Геррорр с его гаарами вредит нам е-щ-ё боль-ш-е, чем вам.

– Кто такой Геррорр?

– Он и-з на-ш-его племени. У-ш-ёл два года на-з-ад. Куда и по-ч-ему – не з-наем. Он никому не говорил. А теперь вернул-с-я.

⁵³ Кёмарр – от «Кём агг» – голос скалы (пер. с тяариарри).

⁵⁴ Винлёр – от «Vin lëor» – маленькая гора (пер. с тяариарри).

⁵⁵ Ветенета – принадлежащая высшей, нематериальной силе.

– Откуда ты знаешь? Ты видел его?

– Нет, я у-з-нал его з-апах. Там, где ты с-па-с-ал, а она убегала.

– Откуда ты знаешь? – я не видела лицо волхва, но отчетливо представила себе как он вытаращил глаза, задавая этот вопрос.

– Много вопро-с-ов, фяирату, – оборотень усмехнулся. – Теперь моя очередь. Выбери – или мы помогаем вам, а вы – нам, и тогда я верну тебе твои ноги и руки, или я добавлю тебе беды, о-с-тавив с-идеть у этого дерева до утра и молить Богов о лёгкой с-мерти.

Наволод думал недолго:

– Я принимаю твою помощь и предлагаю тебе свою.

– По рукам, – сдержанно улыбнулся Кёмарр и достал из кармана штанов клятвенный камень.

Белый отсвет упал на траву и невесомая, сотканная из тонких лучиков птица рванулась в небо – Богам данный обет понесла.

– Vin lëor, om kërna eri⁵⁶.

Я не почувствовала укола остро заточенной палочкой. Но почти сразу ощутила, как замёрзли руки. А потом и всё моё затёкшее тело радостно возвестило о том, что оно может двигаться зудением и покалыванием. Вдохнув полной грудью, я только тогда вспомнила, что вроде была до смерти испугана. Моё задумчивое лицо опять насмешило Кёмарра.

– Вы вроде е-с-ть хотели? Мо-ж-ем поделить-с-я, – сказал, доставая из сумки две здоревенные лепёшки. Мы согласились.

Мне уже не было страшно. Любопытно и в тоже время зябко – это да. И, по-моему, то же самое чувствовал волхв, потому как выглядел не намного увереннее меня.

Оборотни вели себя очень спокойно и размеренно. Между собой они говорили на каком-то своём, рычащем языке, видимо потому что Винлëор не знал человеческого. А может быть знал, но очень плохо. Кёмарр же говорил довольно сносно. Но некоторые слова давались ему с большим трудом.

– Ты о-ч-ень с-ильная, фяирату, но бе-с-толковая, – сказал, кивая на меня, Кёмарр, – хотя твоя бе-с-толково-с-ть была нам на руку. Ты промахнула-сь, и поэтому мы ж-ивые.

⁵⁶ Винлëор, помоги им (пер. с тяариарри).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.